

ДОПРОС Б. В. ШТЮРМЕРА

22 марта 1917 года

Содержание

Вызов Штюрмера в Ставку перед назначением его премьер-министром.

Его политическая программа.

Штюрмер — министр внутренних дел, министр иностранных дел.

Вопрос о диктатуре.

Штюрмер председатель Совета Министров, министр иностранных дел и диктатор.

Программа Штюрмера, как министра внутренних дел.

Программа его, как министра иностранных дел.

Уход Штюрмера в отставку.

Председатель. — Борис Владимирович Штюрмер?

Штюрмер. — Да.

Председатель. — Пожалуйста, садитесь. Вы находитесь перед лицом Чрезвычайной, по первоначальному наименованию — Верховной Следственной Комиссии. Комиссия эта пользуется правами первого департамента Государственного Совета, т.-е. правом требовать объяснения у высших должностных лиц, потому что задачей этой Комиссии является расследование противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих должностных лиц. Таким образом, отвечать на вопросы Комиссии является не только вашим правом, но и вашей обязанностью. Комиссия имеет вам задать целый ряд вопросов, так что вам, вероятно, предстоит довольно продолжительный допрос. Но сегодня, за недостатком времени, мы остановимся только на двух-трех вопросах. Мы сегодня поставим вам следующие частные вопросы: при каких обстоятельствах вы были назначены председателем Совета Министров? При каких обстоятельствах вы заняли пост министра внутренних дел? И каким образом произошло то, что вы заместили, приняв портфель министра иностранных дел, уволенного в отставку министра Сазонова? Благоволите остановиться на обстоятельствах назначения вас на эти три высоких должности.

Штюрмер. — Первый вопрос: как я был назначен на должность председателя Совета Министров... — 17-го января... виноват: кажется, это было 17-го января 1913 г... — я получил от императора записку, в которой он вызывал меня в Царское Село. На другой день (как я помню, это было 18-го января) — государь мне сказал: то, что случилось в последнее время, он не считает возможным... Или, по крайней мере, он спрашивал мое мнение: как я отношусь к тому вопросу, который был

поставлен в последнее время? Речь шла о том, что первый министр, бывший тогда, полагает, что Государственная Дума должна быть ограничена в своих работах исключительно только рассмотрением бюджетов, и что должен быть назначен ее занятиям срок. Извините, пожалуйста: я всех подробностей не помню... В общих чертах, это было так, что в две-три недели Дума должна рассмотреть бюджет и затем ее закроют. Вот как стоял вопрос.

Председатель. — Т.-е. у вашего предшественника?

Штюрмер. — Я понял так... Я ведь не был знаком со взглядами моего предшественника.

Председатель. — Вашим предшественником был?...

Штюрмер. — А. И. Горемыкин. Я понял так, что речь идет о назначении определенного срока для рассмотрения бюджета. Если бюджет не будет рассмотрен за это время, тогда вопрос решался так, что Государственная Дума не должна больше работать; что специальная ее задача: рассмотреть бюджет и больше ничего...

Председатель. — Я не понимаю: вам сказал отрекшийся император, что таково было мнение вашего предшественника?

Штюрмер. — Я так понял...

Председатель. — Что же дальше? Продолжайте вашу мысль...

Штюрмер. — Продолжение было такое. Он спросил меня прямо: как я к этому отношусь? Я сказал, что я отношусь к этой постановке вопроса отрицательно: я думаю, что, если бы Государственная Дума вышла из тех пределов, в которых ее работа должна протекать, закрыть всегда можно поспеть... А пока этого не будет, — для недоверия к Государственной Думе я не вижу причин. Я бы лично не считал этого возможным, т.-е. я говорил не в этом смысле: «лично» я, конечно, мог догадываться, о чем идет речь, но это не было формально сказано... Я считал, что этого не следовало делать, что я не могу согласиться с той постановкой вопросов, которая выдвинута... Государь выразил сочувствие этому моему взгляду. Затем разговор был очень длинен, — на многие темы... Кончилось тем, что он сказал мне, что он имел в виду меня назначить на эту должность, т.-е. когда Горемыкин оставит службу.

Председатель. — Это случилось скоро?

Штюрмер. — Это случилось 20 марта...

Председатель. — Вы говорите, что произошел длинный разговор. Что же? Ведь вы должны были занять руководящий пост в Российском государстве, — вероятно, разговор был о вашей программе?

Штюрмер. — Да.

Председатель. — Какая же была программа? Как вы изложили ее бывшему императору?

Штюрмер. — Эта программа была такая, что я считаю, что Государственная Дума работать может и нужна... Я никогда не был и не буду тем человеком, который будет говорить, что Государственная Дума напрасна, что ее не нужно и т. д. Вот в этом смысле... Я не помню подробностей, — потому что я так мало ожидал этого, так удивился, что в голову не могла прийти мысль о программе... Но целого ряда вопросов касались мы... Речь была тогда о Твери...

Председатель. — Какой вопрос о Твери?

Штюрмер. — Государь вспомнил, что я был когда-то председателем тверской управы. Потом я еще раз ездил в Тверь по школьным делам, потом еще... Вообще я этим был так взволнован, откровенно говоря, что не могу вспомнить всех подробностей... Но в конце разговора он сказал, что считает возможным Государственной Думе работать, считает нежелательным сокращение и высказывание недоверия. Он сказал, что рассчитывает на меня.

Председатель. — Вы изложили вкратце внешнюю, фактическую историю вашего назначения. Какова же была внутренняя история вашего приглашения к власти, т.-е. благодаря чему и каким влияниям вы получили это назначение?

Штюрмер. — Я не могу на это ответить... Никакого влияния у меня не было, никаких обращений к государю не было!... Последний раз, когда я видел государя (это было весной 1914 г.) — это когда я выехал вместе с государем по случаю трехсотлетия дома Романовых: я выехал вместе с ним в Тверь. Он ездил по случаю трехсотлетия...

Председатель. — Но все-таки чем вы объясняли, что государь обратился к вам?

Штюрмер. — Очень трудно сказать... Всякий раз, когда я имел случай видеться с ним, а это было очень редко: по случаю получения знаков отличия, государь со мной беседовал вообще о делах...

Председатель. — При каких обстоятельствах вы были назначены министром внутренних дел?

Штюрмер. — Министром внутренних дел? Это было в начале или середине марта. Государь император высказал мне неудовольствие по поводу управления министерством внутренних дел моим предшественником и остановился на мне.

Председатель. — Кто был тогда?

Штюрмер. — Хвостов, А. Н... И его величество сказал мне, что просмотрел списки, и спросил, кого я укажу... Я ему указал графа А. А. Бобринского. Затем государь мне высказал, в следующий раз, когда был мой доклад, он говорил так, что он считает более правильным, как было при Столыпине, когда Столыпин был премьером... Он полагал, что министр финансов и министр внутренних дел — это едва ли не более всего ответственное... и что для первого министра важнее быть министром внутренних дел... Я помню, я объяснил, насколько это было бы трудно...

Председатель. — Каким образом добились вы портфеля министра внутренних дел и кто посодействовал этому?...

Штюрмер. — Как же можно добиваться?! Мне так было тяжело с одной должностью!... Так что добиваться я не мог: никогда, до последней минуты этого не было и никаких посредников между мной и государем не было...

Председатель. — Скажите, а при каких условиях вы заняли пост министра иностранных дел?

Штюрмер. — Министра иностранных дел... Это было так. Когда я был в Ставке и там был Совет Министров, начальник штаба генерал Алексеев...

Председатель. — Когда это было?

Штюрмер. — Это могу сказать: 27 и 28 июня 1916 года... Тогда мне пришлось возбудить вопрос о том, что нужно назначить особое лицо, уполномоченное для разрешения дел, касающихся войны, или — как вам сказать? — для участия гражданского лица в войне... Вообще это формулировано было так... Пожалуйста, извините, если я не буду точен: я не могу... Все это случилось с такой головокружительной быстротой, что я не мог запомнить. Я помню общую схему: что необходим диктатор... Это слово было произнесено, я его запомнил, — может быть, не Алексеевым, а кем-нибудь другим — диктатор, который бы взял все: как дело гражданское, так и военное, в свои руки... Потому что есть особое совещание, Совет Министров — все это должно быть объединено в одних руках... Я помню, что слово «диктатор» было произнесено. Последовал целый ряд возражений... При чем было указано, что надо особое лицо назначить, которому мы можем дать в иных случаях особые полномочия, — вот в какую схему вылилось... Тогда государь спросил меня: мог ли бы я принять? Я ответил: «Конечно, нет!... Я затруднен и без того: я не в состоянии...» Тогда, в тот же день вечером, по телефону я доложил государю, что я успел обдумать и совершенно не могу совместить эти три должности...

Председатель. — Т.-е. должности председателя Совета Министров министра внутренних дел, да еще диктатора?

Штюрмер. — Потому что слишком много... Очевидно, это даст целый ряд других вопросов и таких вопросов, которые еще не разрешены и требуют особых специальных лиц, которые этим специально занимались бы... Помню, например, был поднят вопрос о сахаре... Может быть, вспомню и несколько других вопросов... И вот эти вопросы не под силу тому, кто не занимался ими отдельно. Помимо общественных и правительственных сфер, нужно было, чтобы этим занимался кто-нибудь специально и под руководством...

Председатель. — Но какая связь между необходимостью иметь диктатора по этого рода делам и постом министра иностранных дел?

Штюрмер. — Когда была речь об этом, я в тот же вечер доложил государю, что решительно не могу занять эту должность и всеми тремя должностями править, — тем более, что Министерство Внутренних Дел более всего дает мне работы: мне слишком трудно, я не могу заниматься, нужно отказаться...

Председатель. — Отказаться от председательства в Совете или от Министерства Внутренних Дел?

Штюрмер. — Результат был тот, что государь сказал, что он обдумает... И было решено, что я от поста министра внутренних дел увольняюсь и займу другой пост...

Председатель. — Почему?

Штюрмер. — Так как убедился, что государь не имеет в виду оставить Сазонова.

Председатель. — Так что вы сами, убедившись в том, что государь не предполагает оставить Сазонова, указали на эту должность?

Штюрмер. — Как я мог указывать!...

Председатель. — Ну все-таки... Я поставлю вам вопрос: какая связь между необходимостью иметь диктатора и тем, что вы, не будучи диктатором, заняли пост министра иностранных дел?

Штюрмер. — Связь та, что слишком много!... Я не мог оставаться министром внутренних дел... Я полагал остаться в Государственном Совете и исполнять обязанности диктатора, которые были недостаточно ясны, которые меня пугали, в особенности имея такое важное министерство, как Министерство Внутренних Дел... Таким образом я отказался от Министерства Внутренних Дел...

Председатель. — Для того, чтобы занять пост диктатора, вы перешли в Министерство Иностранных Дел?

Штюрмер. — Нет, я не думал о переходе куда-нибудь... Я должен был отказаться от одного из трех: я не мог быть и председателем Совета, и министром внутренних дел и еще диктатором... Я должен был отказаться... Самое трудное из трех было Министерство Внутренних Дел, от которого я и просил государя меня уволить.

Председатель. — Но вы могли быть председателем Совета Министров, диктатором и министром иностранных дел?

Штюрмер. — Это не сразу случилось... Когда я разобрался, какого рода диктатура, какие обязанности диктатора, я следующий раз доложил краткий мой обзор того, что мне предстоит... Я все-таки настаивал на том, что министром внутренних дел я остаться не могу. Тогда последовало назначение.

Председатель. — Значит вам показалось, что Министерство Внутренних Дел труднее, чем Министерство Иностранных Дел?

Штюрмер. — Несомненно, оно так и есть!... Министерство Иностранных Дел не так кропотливо. Ведь там, в Министерстве Внутренних Дел, с утра до вечера, во всякое время дня и ночи — справки, телеграммы, телефоны, распоряжения!... Вот это мне казалось весьма трудным...

Председатель. — Какова была ваша программа, как министра внутренних дел?

Штюрмер. — Как вам сказать?... Программа... Могу сказать программу, которую я составил, набросал... Я был четыре месяца министром внутренних дел: пока, — шли текущие дела...

Председатель. — Простите: я спрашиваю не о том, какая программа была составлена вами впоследствии, а что ставили вы во главу вашей программы, которую изложили государю, когда были назначены министром внутренних дел?

Штюрмер. — Мне очень трудно указать, что именно... Одно вытекло из другого...

Председатель. — Ну хотя бы что-нибудь одно, из чего вытекло другое...

Штюрмер. — Прошу верить, что говорю откровенно!... Я полагал, что нужно сохранить то положение, которое было, — стараться без столкновений, без ссор, поддержать то, что есть... А завтра будет видно, что будет дальше...

Председатель. — Т.-е., с кем не иметь столкновений и ссор?

Штюрмер. — Чтобы Министерство Внутренних Дел не возбуждало с Думою никаких столкновений и ссор. Это было указано...

Председатель. — Значит, не иметь столкновений и ссор с Государственной Думою? Этим, так сказать, исчерпывалась ваша программа?

Штюрмер. — Да. Вы меня спросите: что и как? Может быть, я и смогу ответить...

Председатель. — Нет: не по отдельным вопросам... Но представляли ли вы себе, занимая такой важный пост в таком громадном государстве и в такой трудный момент жизни этого государства, что надлежит сделать министру по внутренним делам русского государства?

Штюрмер. — Целый ряд реформ... Например: городская реформа, земская, волостная и т. д. — Целый ряд вопросов, которые были поставлены, и этими вопросами надлежало заняться...

Председатель. — Т.-е., они вами были поставлены?

Штюрмер. — Нет, они были поставлены жизнью. Вопрос волостной реформы, который был давно поставлен...

Председатель. — У вас было представление о способе его разрешения?

Штюрмер. — По отдельным вопросам, конечно... Я имел взгляд на волостную реформу... Относительно земства — то же самое, что нужно идти дальше! Потом о мелкой земской единице...

Председатель. — Вы говорите, что давно эти вопросы поставлены на очередь? Но чем ваша программа и ваше отношение к этим вопросам отличались от предыдущего или предыдущих министров?

Штюрмер. — Я этим не занимался... Я занимался постольку, поскольку вопросы проходили в отдельных случаях в Государственном Совете, — на обсуждение отдельных комиссий... Я не изучал их специально. Мне было поручено ими заняться и поставить их во главу угла. Я занимался этим четыре месяца.

Председатель. — А какова была ваша программа, в качестве министра иностранных дел?

Штюрмер. — В качестве министра иностранных дел моя программа была достаточно точно высказана... Во-первых, я ни о чем более не заботился, как о поддержании союзников: с ними бороться... против немцев... Первое, что было основой, — было полное сочувствие и содействие Франции, Англии и частью Италии, которая потом присоединилась... А затем, — внутренняя задача была направлена к тому, чтобы заливы получить и Константинополь!... Я был очень рад, что уже велся разговор между моим предшественником и послами... И все время хлопотал об этом... Это было очень трудно! Сначала Англия оказывала противодействие. Я добился того, чтобы было опубликовано безотлагательно... В особенности, когда начался польский вопрос — когда поляки просили, чтобы им были даны известные права: я настаивал, чтобы сначала русский народ получил и знал, что его ожидает!... Но это — воля государя. — (Русский скажет: — а нам-то что?...) Опубликовать, что есть соглашение с Англией и Францией и что этот союз даст нам в будущем Дарданеллы, Босфор и проливы... Тут я встречал некоторые затруднения. Не могу в подробностях говорить, — но в общем, могу сказать, что сначала Англия согласилась — согласие было дано... Но для меня важно было это обнародовать. И против этого сначала Англия, а потом Франция протестовали до конца октября... И только, когда была составлена моя речь, которую я старался внести это в последних числах октября — наконец, было получено согласие тех и других на то, чтобы это было обнародовано...

Председатель. — Ответьте нам, пожалуйста, на последний вопрос, естественно вытекающий отсюда: вопрос о том, при каких условиях вы оставили пост министра иностранных дел и председателя Совета Министров?

Штюрмер. — Извините... Я совершенно откровенно говорю, — считая, что вы понимаете, что я говорю открыто, — что здесь две стороны, между которыми идет борьба... Разумеется, когда идет борьба, участники этой борьбы должны употребить все силы, чтобы победить. Я исхожу из того, что было так и прежде... Во-первых, я скажу следующее: со времени, как я был назначен и выступил 9-го февраля в Думе в первый раз, я ни разу не помню, чтобы было, до конца сессии, какое-нибудь недоразумение или затруднение!... Дело было так, что Дума была на меня в претензии. Я не хлопотал о закрытии ее. Многие мне говорили: «Отчего вы Думу не закрываете? — «Потому что она не кончила своего дела». — «Когда же она закончит свои дела?» — «Так, в 20-х числах июня...» Тогда Дума и была закрыта. Затем, когда она открылась 1-го ноября, то картина совершенно изменилась. Я должен сказать, что в конце ноября Родзянко был у меня (у меня болела нога) и нашел необходимым сообщить, что со мной Дума работать не будет...

Председатель. — Это когда было?

Штюрмер. — Это было в октябре, за несколько дней до открытия Думы. Он сказал: «Имейте в виду: Дума не будет с вами работать!...» Я сказал, что и увольнение зависит не от меня лично... И решил, что, очевидно, не могу остаться, раз будет препятствие к совместной работе Думы и правительства... К сожалению, в день открытия Государственной Думы я уехал в Государственный Совет после речи Родзянко и не слышал речи Милюкова, который совершенно напрасно меня

обвинял... Если бы я был там, я бы сказал, что никаких взяток не брал, никаких взяток ни с кем не делил!... Я, к сожалению, этого не мог сделать. Озлобление, повидимому, было настолько сильное, что я не мог и думать выходить на кафедру, не подвергая правительству, в лице своего председателя, каким-нибудь нежелательным выходкам...

Председатель. — Вы не могли выходить?

Штюрмер. — Я знал, что если я выйду на кафедру, тогда будет такой скандал, который будет не ко мне относиться лично, а как к председателю Совета Министров и к Совету Министров...

Председатель. — Но вы только что сказали, что когда приехал Родзянко и когда он сказал вам, что Дума не может с вами работать, то вы сказали, что уход зависит не от вас. Но, тут, когда правительство, в вашем лице, не могло появляться перед Думою, каково было ваше отношение?

Штюрмер. — Я не мог ехать сейчас же в Ставку, потому что я был болен; но я следил и каждый день записывал, что происходит в Думе... И вот мое резюме: если бы Дума имела что-нибудь против меня, то, в лице Милюкова, она бы сказала. Но я думал, занятия пойдут сами по себе, занятия все-таки пойдут... Но затем я увидел, что о занятиях не было и речи! Несколько заседаний сряду шел штурм власти... Обыкновенно, когда нападали на министерства, — я помню, что это всегда было по вопросам отдельным: по отдельным новым законам или при рассмотрении отдельных смет министерств, — происходили нападки на отдельные министерства... Тут я не видел нападков на отдельные ведомства, на отдельные проекты или отдельные вопросы, — а тут была прямая только критика власти, начиная с председателя и дальше!... Тут, очевидно, шла речь не об неудовольствии данным министерством, данным вопросом, или данным законодательством, а просто — нападение принципиальное! Тогда я, при первой возможности, как только мог встать, поехал в Ставку и доложил; разумеется, при таких условиях я не мог оставаться председателем Совета Министров и просил, чтобы меня уволили...

Председатель. — Вы говорили, что было нападение на власть принципиальное, т.-е. со стороны анархистов, не признающих власти?

Штюрмер. — Нет, были другие слова, которые я считал опасными... Неудобно было говорить в Ставке о том, что Милюков на меня нападает, но я другое орудие имел...

Председатель. — Вы различали нападение на власть принципиальное, как вы выразились, от нападения на отдельных лиц, представляющих собой данное министерство?

Штюрмер. — Очевидно. На меня было нападение, — об этом говорить нечего, потому что я был первым, на которого напали!...

Председатель. — Мы сейчас кончим наши занятия. В следующем заседании вы ваши объяснения, быть может, начнете с поставленных сегодня вопросов...

Штюрмер. — Я совершенно не предвидел, в какой области будут вопросы... Если бы я знал, о чем будет разговор, то я — не то, чтобы подготовился к какому-нибудь оправданию... Но я такую массу пережил впечатлений, такую массу занятий... что об отдельных эпизодах...

Председатель. — Дело идет не об отдельных эпизодах, а о неправильных действиях ваших вообще: согласно указу временного правительства, опубликованному Правительствующим Сенатом, дело идет о том, о чем может только идти в Следственной Комиссии для расследования противозаконных действий. Так что в этих пределах и будут задаваться вопросы.

Штюрмер. — Я не спрашиваю!... Я не хочу забегать, чтобы подготовиться... Я хочу сказать: так было много событий, фактов, что я положительно подавлен, просто я вспомнить не могу!...

Председатель. — Вы будете давать ответы в следующий раз.

Штюрмер. — Я был председателем Совета Министров — были отдельные эпизоды... По особой диктатуре — опять отдельные... Потом был министром внутренних дел 4 месяца, был министром иностранных дел... И это так много!... И, так сказать, — так захватывающе жизнь шла, что я могу не все подробности сразу вспомнить...

Председатель. — Вы можете быть уверены, что Комиссия войдет в ваше положение и даст вам возможность вспомнить, если вы что-нибудь позабыли, и в следующем заседании вы Комиссии сообщите...

Штюрмер. — Конечно, подделывать или придумывать я не стану: это не в моем характере... И думаю, что и вы уже в этом убедились... Если что-нибудь будет не так, я потом вспомню, в следующий раз...

Председатель. — Теперь благоволите удалиться.